

UNIVERZITA MATEJA BELA
Fakulta humanitných vied
Katedra hungaristiky

Kontext – Filológia – Kultúra II.

Kontextus – Filológia – Kultúra II.

Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie
Nemzetközi tudományos konferencia anyaga

Banská Bystrica

2008

Redakčná rada – Szerkesztőbizottság

Predseda – Elnök:

Prof. PhDr. František Alabán, CSc.

Členovia – Tagok:

Dr. Simigné dr. Fenyő Sarolta, PhD., egyetemi tanár

Dr. Nagy László, egyetemi docens

Dr. Varga Gyula, kandidátus, főiskolai tanár

Dr. Zimányi Árpád, kandidátus, főiskolai tanár

Recenzenti – Recenzensek:

Doc. PhDr. Peter Andruška, PhD.

Doc. PhDr. Zoltán Fónod, CSc.

Medzinárodná vedecká konferencia

Banská Bystrica

30. mája 2007

Nemzetközi tudományos konferencia

Besztercebánya

2007. május 30.

10 ROKOV KATEDRY HUNGARISTIKY

A HUNGARISZTIKA TANSZÉK 10 ÉVE

КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ В РОМАНАХ В.ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» И И.КЕРТЕСА «ОБЕЗДОЛЕННОСТЬ»

Роман русского писателя Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» и Нобелевский шедевр венгерского писателя Имре Кертеса – одни из самых ярких и значительных произведений не только в литературе XX века, но и в современном литературном мире. Изучаемые произведения написаны писателями из двух разных государств и культур, но авторские мысли в них звучат единогласно, с могучей силой правдивого слова о событиях накануне и в ходе Второй мировой войны. При написании Гроссманом «Жизни и судьбы» и Кертесом «Обездоленности» у писателей не было надобности использовать чужие воспоминания чтобы реконструировать по ним прошлое. Судьба не миловала авторов произведений, они стали подлинными свидетелями и героями испытаний Катастрофы XX века, их судьбы стали исходным документом в написании романов-исповедей.

Эти произведения смело можно назвать глубоко личными и сокровенными книгами авторов. В образах могучих персонажей романа «Обездоленность» и «Жизнь и судьба» воплощены и показаны судьбы И. Кертеса и В. Гроссмана. Читая эти произведения, мы убеждаемся, что на все этапы и моменты в жизни героев романа, печальные или радостные, на судьбу человека и личности даже в XXI веке важное влияние оказывают исторические коллизии и перипетии эпохи. Гроссман и Кертес в своих романах разоблачают все то, что направлено против человека XX века, что уничтожает его личность. Общей философской проблематикой романов Гроссмана и Кертеса есть свобода и несвобода, насилие, законы войны и жизни, судьба личности и нации в условиях тоталитарной власти эпохи Сталина и Гитлера, противопоставление хрупкости индивидуума всемогущей власти истории.

Гроссман и Кертес изображают военные события Второй мировой войны не как столкновение воюющих армий, а как «столкновение различных взглядов на жизнь, на судьбу человека и народа» (Лазарев 1991: 231). Судьба в романах – разная. Она «случайная», «недобрая», «неотвратимая», «благородная», «суровая», ей подчиняются и терпят, с ней сталкиваются, ее чувствуют, она показана в зависимости и под влиянием истории, времени.

В романе «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» авторами сконструированы своеобразные модели судьбы человека, с четким и логическим указанием на те отдельные составные детали механизма этих моделей, которые благодаря своей активной физической и нравственной мощи меняли природное течение и исход жизни человека в XX веке,

способствовали полной деградации личности, определяли ее судьбу и вели к уничтожению наций. Такими сверхсиловыми составными частями модели судьбы, механизмами, генерирующими и приводившими в действие варварство, становились идеи Сталина и Гитлера о полном подчинении человека власти государства. Благодаря этим идеям в судьбах героев Гроссмана и Кертеса нет места собственной воле личности, в них решающая роль принадлежит давящей силе государства, в результате чего из модели судьбы персонажей «Жизни и судьбы» и «Обездоленности» истреблялись террором политики Сталина и Гитлера такие неотъемлемые и важные структурные части жизни, как свобода, индивидуальность и неповторимость человека. Как гитлеризм, так и сталинизм разрушали в человеке главное – его достоинство. В романе Гроссмана, как и у Кертеса, «государство стало судьбой» (Дедков 1988: 236). Личная судьба человека, живущего в тоталитарном государстве, – всегда трагическая или драматическая, как это происходит и с основными действующими лицами романа «Жизнь и судьба» и «Обездоленность».

Судьбой героев Гроссмана и Кертеса становится рабство и несвобода. Человек в тоталитарных системах XX века «становился рабом по судьбе, а не по природе своей» размышляет автор романа «Жизнь и судьба» (Гроссман 1990: 110). Воля героев бессильна против судьбы, и человеку в таких условиях нет иного выбора пути, кроме безнадежности и гибели.

В романе «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» человек «стоит перед судьбой одинокий, как перст, [...] и вдруг открывает в себе совершенно неведомые силы» (Аннинский 1988: 259). Это фантастические силы духа героев романа Гроссмана и Кертеса перед лицом смерти, на пороге газовой камеры, это ни с чем не сравнимые силы, которые помогают человеку смиренно воспринимать условия жизни в концентрационных лагерях, это силы, которые помогают авторам и героям ответить современному читателю на жизненно важный вопрос о том, как надо преодолевать и терпеть «бесчинства судьбы» (Дедков 1988: 234), чтобы человеку остаться самим собой, сохранить свою личность и достоинство, примером чему могут послужить жизнь и судьба самих писателей. Как знак подтверждения вышеупомянутым мыслям звучат слова Штрума в романе Гроссмана: «Каждый день, каждый час, из года в год, нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым. И в этой борьбе не должно быть ни гордости, ни тщеславия, одно лишь смирение. А если в страшное время придет безвыходный час, человек не должен бояться смерти, не должен бояться, если хочет остаться человеком. Ну что ж посмотрим, – может быть, и хватит у меня силы» (Гроссман 1990: 448). В этих словах воплощены силы чрезвычайно трагического взгляда на жизнь и на смиренное восприятие судьбы не только физиком Штрумом, но и самим писателем, который словно

пытается дать объяснение читателю и переубедить даже заключенных, обслуживающих газовые камеры, в том, «что в пору фашизма человеку, желающему остаться человеком, случается выбор более легкий, чем спасенная жизнь, – смерть» (Гроссман 1990: 284). Эти слова словно перекликаются и образуют единое целое с мировоззрением и мировосприятием Кертеса, который «так определил бы цель своего творчества: создавать “тексты, которые помогают умирать” (Цыткин 2002: № 20, № 10). Кертеса всегда интересовала одна проблема: «как человек из автономной личности, из субъекта превращается в объект, которым манипулируют внеличные силы» (Цыткин 2002: № 20, № 10). Интерес к этому проблематическому вопросу свойствен не только Кертесу, но и Гроссману, от них читатели получают точные, словно поражающие авторским пером цель, ответы со страниц значительных романов литературы XX века – «Жизнь и судьба» и «Обездоленность».

Среди сконструированных писателями моделей судьбы центральное место в романах принадлежит модели исторической судьбы, в основе которой лежит столкновение героев с теми историческими, политическими и нравственными обстоятельствами предвоенных и военных событий Второй мировой войны, которые резко меняли судьбы не только персонажей романов «Жизнь и судьба» и «Обездоленность», но и самих авторов. В.Гроссман и И.Кертес не могли остаться равнодушными к одному из самых ужасных событий в истории человечества XX века, Катастрофе европейского еврейства. В толковании Ш.Маркиша, «ни отношение Гроссмана к окружающим, ни отношение окружающих к нему не представляло собою психологической коллизии в мирное время. Но восприятие этого отношения станет “психологической и социальной коллизией для писателя во время войны, особенно в конце 40-х годов, когда еврей типа Гроссмана, давно считающий себя “таким, как все”, давно привыкший к мысли, что жидоедство – забытый пережиток проклятого прошлого, вдруг обнаружит, как жестоко он ошибался» (Маркиш 1997: 42). Аналогичные размышления возникают и у одного из центральных персонажей романа «Жизнь и судьба», физика Штрума: «Он думал о том, о чем никогда не думал и о чем его заставил думать фашизм, – о своем еврействе, о том, что мать его еврейка» (Гроссман 1990: 36). Седьмого июля напомним о ее происхождении и матери Виктора Павловича Штрума, врачу Анне Семёновне. Она в своем письме из района Старого города с проволочным заграждением, куда переселили евреев, напишет сыночку Витеньке: «Этим же утром мне напомнили забытое за годы советской власти, что я еврейка. Немцы ехали на грузовике и кричали “Juden kaput”» (Гроссман 1990: 41). Но Анна Семёновна не теряет силу воли, подчеркивается ее необычайно уравновешенное и в тоже время печальное состояние в «средневековом гетто»: «Знаешь, Витенька, что я испытала, попав за проволоку? Я думала,

что почувствую ужас. Но, представь, в этом загоне для скота мне стало легче на душе. Не думай, не потому, что у меня рабская душа. Нет. Нет. Вокруг меня были люди одной судьбы» (Гроссман 1990: 43). Читателя поражает трагическая судьба и восхищает триумф в характере матери, женщины, человека. Анна Семеновна не падает духом, как и большинство жителей проклятого гетто. Она продолжает лечить больных, преподаёт Юре уроки французского языка, зная, что судьба их всех может решиться в любой день и ее ждет гибель. Этот момент в романе, по словам мемуаристки в исследовании Ш. Маркиша, возможно, идентифицирует мать Василия Гроссмана в персонаже матери Штрума (подробнее см. Маркиш 1997: 48-49). Гроссман посвящает роман «Жизнь и судьба» своей матери, Екатерине Савельевне, которая погибла в Бердичевском гетто. И поэтому становится понятно, как указывают в своей работе Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, «почему в романе Гроссмана сквозь все трагедии эпохи тоталитарных режимов проходит вечный образ Матери» (Лейдерман, Липовецкий 2001: 150). Судьба матери Гроссмана стала судьбой многих матерей в романе «Жизнь и судьба». Это и Людмила Николаевна Шапошникова, потерявшая на войне своего сына, Толю, «который ушел, не поцеловав девичьих губ» (Гроссман 1990: 314), и Анна Семеновна Штрум, «почувствовавшая своими детьми всех евреев, оказавшихся вместе с ней за проволокой гетто, и старая дева Софья Осиповна Левинтон, пережившая счастье материнства, когда разделила судьбу чужого мальчика Давида, который стал для нее воистину родным за порогом газовой камеры» (Лейдерман, Липовецкий 2001: 150).

Волей истории XX века Имре Кертес тоже пережил испытания концентрационных лагерей, которые описал в романе «Обездоленность». Герой романа Кертеса, Дёрдь Кёвеш, также терпит судьбоносные напоминания о своем происхождении, подобно физику Штруму и его матери в романе «Жизнь и судьба». В романе «Обездоленность» это напоминание проявляется на примере презрительного отношения к Дёрдю булочника, который: «[...] даже не ответил на мое приветствие: все в округе знают, что он не любит евреев. Потому и в хлебе, который он толкнул в мою сторону, было с десятков-другой граммов недовеса» (Кертес 2003: №14-15). В романе «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» «история определяет жизнь индивидуума» (Коваленко 1991: 26). Под влиянием исторических событий войны возникают вопросы, связанные с происхождением и со своей дальнейшей судьбой и в диалоге между юными героями Дёрдем Кёвешем и Аннамарией в романе «Обездоленность». Этому диалогу предшествовало печальное душевное состояние еврейской девушки Аннамарии, которое перекликается с чувствами в размышлениях Анны Семёновны Штрум в романе «Жизнь и судьба». Аннамарии тоже напомнили о своем «происхождении», она

стала замечать и чувствовать, что «[...] "взгляды людей" внушили ей, что произошла перемена, – она находит, что люди изменились к ней, и во взглядах их обнаруживает, что они "ненавидят" ее. Сегодня утром она тоже это заметила, когда ходила за покупками по маминому поручению [...]» (Кертес 2003: №14-15). Героиня «призналась, что вначале ничего не понимала, и было страшно больно видеть, как ее презирают "просто потому, что еврейка": тогда она впервые почувствовала, что – как она сказала – нечто отделяет ее от людей и что она принадлежит не к тем, что все остальные. Ее взгляд был: "мы, евреи, не такие, как остальные", суть дела в этом различьи, и из-за него-то и ненавидят евреев люди», и Дёрдь Кёвеш признается, что сам «до сих пор еще не видел повода к таким чувствам» (Кертес 2003: №14-15). Дёрдь пытается успокоить Аннамарию, ссылаясь на фактор случайности в судьбе человека, ведь она не виновата в том, что родилась еврейкой, поэтому, как он считает, никто не имеет права унижать человека из-за того, что он носит в себе «эту разницу». Здесь следует отметить, что сходство их сочувственной друг к другу молодой «судьбы из-за родителей» только усиливало взаимное понимание и увлеченность Дёрдя и Аннамарии. И. Надь, исследовавший этот важный разговор в романе «Обездоленность», выявляет в диалоге между Дёрдем и Аннамарией «несостоятельность рассуждений насчет "общееврейской судьбы". Дёрдь заставляет ее осознать, что если появление человека на свет – дело случая, то это вопиющая несправедливость, ведь тут отсутствует выбор судьбы, не с чем отождествляться, и возникает вопрос: за что же этот мир его преследует? Поэтому еврейская судьба сама по себе является воплощенным парадоксом, нелепостью [...], ведь если то, для чего мы созданы, – случайность, отождествиться с этим никак невозможно, и таким образом человек обречен на пожизненный идентификационный кризис и вынужден расплачиваться за то, чего он не выбирал» (Надь 2003: №7). Еврейское население в романе Гроссмана и Кертеса приняло на себя эту расплату с ужасающей читателя покорностью перед лицом смерти и смиренностью со своей судьбой. Источник такой «массовой покорности» Гроссман видит в «ужасной силе» «сверхнасилия тоталитарных социальных систем», которое «оказалось способным парализовать на целых континентах человеческий дух» (Гроссман 1990: 109), а в романе Кертеса следует указать на еще одну важную черту, которая лежит в основе поведения личности, – это навыки сверхчеловеческой терпимости, заложенные в индивидууме воспитанием родителей и школы. Эти черты воплощены в характере главного героя романа «Обездоленность», Дёрде Кёвеше. Говоря словами Ж. Хетени, «поведение ассимилированных евреев, послушных граждан своих среднеевропейских родин, было именно таким. Уступить свое место другим, не мешать, не выделяться, не бунтовать» (Хетени 2004: №18). Умение терпеть свою судьбу

неоднократно подчёркивается в манере поведения подростка Дёрдя Кёвеша в романе Кертеса. Дёрдь смиренно, почти со взрослым пониманием воспринимает слова дяди Лайоша накануне отъезда отца юного героя в «рабочие батальоны». С этого момента жизнь Дёрдя меняет свое русло и идет по течению судьбы, ибо «известный период» его жизни, который дядя Лайош назвал «"беззаботными, счастливыми годами детства"», сегодняшним печальным днем завершается. Ибо очевидно, что впредь мои дела не могут идти так же хорошо, как до сих пор, и он не хочет этого от меня скрывать, потому что разговаривает со мной "по-взрослому". Теперь уже, сказал он, ты тоже "причастен к общей еврейской доле", потом пустился в подробности, напомнил мне, что эта доля – тысячелетия непрерывных гонений, которые евреям, однако же, следует принимать смиренно, жертвенно и терпеливо, ибо Бог наслал это на них за давние грехи, и как раз потому только от Него можно ждать милости, а Он пока ждет от нас, чтобы мы все, в этом тяжком положении, твердо держались на том месте, которое он нам назначил "согласно нашим силам и способностям"» (Кертес 2003: № 14-15). С аналогичным спокойствием, делая «шаг за шагом», Дёрдь переносит и сверхчеловеческие мучения, и лишения в концентрационных лагерях Аушвица и Бухенвальда, после освобождения из которых он даже ностальгирует за своеобразным «счастьем концентрационных лагерей», где «даже рядом с дымовыми трубами было в перерывах между муками что-то, походившее на счастье. Все спрашивают только про тяготы, про "ужасы": а между тем, что до меня, может быть, это переживание остается самым памятным» (Кертес 2003: № 14-15). Дёрдь прошел по этим ступеням ужасов и мучений, не торопясь, а соответственно «рабочей скорости», чтобы «отвести десять-двадцать минут на ожидание, пока дойдешь до той точки, где решится: сразу ли в газ или еще один шанс», он пережил заданную ему долю, но как он констатирует: «То была не моя доля, но я прожил ее [...]. Шаг за шагом делал я, и никто другой, и, я объявил, в заданной мне доле я всегда хранил порядочность» (Кертес 2003: № 14-15). Со страхом читаются и наблюдения Гроссмана о том, что «одной из самых удивительных особенностей человеческой природы, вскрытой в это время, оказалась покорность. Были случаи, когда ожидать казни приходилось с утра до поздней ночи, в течение долгого жаркого дня, и матери, знавшие об этом, предусмотрительно захватывали бутылочки с водой и хлеб для детей» (Гроссман 1990: 109). Так в романе В.Гроссмана «Жизнь и судьба» и И.Кертеса «Обездоленность» властвует «судьба, мешая правых и виноватых, находя особую сладость в унижении гордых и честных, оставляя им один нравственно безукоризненный выход: смерть» (Дедков 1988: 234).

О смерти в романах Гроссмана и Кертеса гласят газовые камеры, концентрационные лагеря, формы разнообразного и безмерного насилия.

В таких условиях жизнь человека беззащитна перед судьбой. Свою неотвратимую судьбу героически воспринимает в романе Гроссмана и майор медицинской службы, военный врач Софья Осиповна Левинтон. Она становится символом материнской привязанности, доброты, страдания и любви. Гроссман сумел показать проявление этих качеств в обстоятельствах, поистине крайних и последних – в газовой камере, на ее пороге. Действия вокруг Левинтон разворачиваются в двух эпизодах: в запертом товарном вагоне поезда и в лагере обреченных на гибель. В "телячьем вагоне" эшелона смерти ехали люди разных профессий и взглядов, молодые, старики, больные и дети. Недалеко от Софьи Осиповны сидел неподвижно мальчик. Звали его Давидом. У Левинтон усиливалось чувство жалости к людям, когда она смотрела на Давида. Наступает последний день дороги в лагерь смерти, и из товарных вагонов стали выходить люди. Софья Осиповна шла вместе с Давидом, держа его за руку. У старой девы Левинтон, как замечает Солженицын, «вспыхивает материнское чувство к чужому малышу, и чтобы быть с ним рядом, она даже отказывается выйти на спасительный для врача вызов "кто хирург?"» (Солженицын 2003: 167). Чувство жалости к людям усиливалось у Софьи Осиповны, когда она смотрела на Давида. «Маленький Давид вызвал в ней особую нежность, которую она никогда не испытывала к детям, хотя всегда любила детей. В вагоне она отдавала ему часть своего хлеба, он поворачивал к ней в полутьме лицо, и ей хотелось плакать, прижать его к себе, целовать частыми, быстрыми поцелуями, которыми обычно матери целуют маленьких детей» (Гроссман 1990: 290). Они вместе переступают стальной порог газовой камеры, и, как показывает писатель, «все время сильные, горячие руки обнимали Давида, мальчик не понял, что стало темно в глазах, гулко, пустынно в сердце, скучно, слепо в мозгу. Его убили, и он перестал быть. Софья Осиповна Левинтон ощутила, как осело в ее руках тело мальчика. Она опять отстала от него. В подземных выработках с отравленным воздухом индикаторы газа – птицы и мыши – погибают сразу, у них маленькие тела, и мальчик с маленьким, птичьим телом ушел раньше, чем она. «Я стала матерью», - подумала она. Это была ее последняя мысль. А в ее сердце еще была жизнь: оно сжималось, болело, жалело вас, живых и мертвых людей; хлынула тошнота, Софья Осиповна прижимала к себе Давида, куклу, стала мертвой куклой» (Гроссман 1990: 294-295). С возвышающимися и в то же время скорбными словами подходит к образу Левинтон и Р. Ламонт, называя чистым зачатием момент становления Героини матерью через ее смерть: "Her motherhood in death is an immaculate conception" (Lamont 1985: 48). А проявление Софьей Осиповной Левинтон материнской любви – это горестный триумф над тоталитарным насилием: "Sofia's love represents a bitter triumph over the totalitarian violence, [...]" (Garrard 1991: 344).

Но следует отметить, что подобно Софье Осиповне, которая отказалась от своеобразного спасительного момента, не призналась, что она врач, не пользуется «единственной», случайной возможностью сбежать из конвоированного полицейскими шествия евреев, собранных для отправки в концентрационный лагерь, и Дёрдь Кёвеш в романе «Обездоленность». Это случилось в момент, когда дороге шествию пересекал трамвай, и у Дёрдя «было бы еще время: но потом все-таки чувство чести во мне оказалось сильнее. После этого полицейские немедленно распорядились, и строй вокруг меня снова сомкнулся» (Кертес 2003: №14-15). Случайная судьба занимает особое место в произведениях Гроссмана и Кертеса. В романах жизнь не только рушится волей случая, но благодаря случайной судьбе герои словно воскресают и спасаются от смерти. Как замечает в своей работе Дедков, когда в романе Гроссмана «полуживой боец Семенов свалился на пороге какой-то хаты, то в тот день "не безжалостные силы могучих государств, а человек, старая Христя Чуняк, решала его жизнь и судьбу"» (Дедков 1988: 240). Волей жестокого случая судьбы, посредством смерти солагерника Дёрдя, который еще несколько дней пролежал возле него в лагерной больнице мертвым и незамеченным охранниками, герой романа «Обездоленность» получает двойную порцию еды: «[...] я подставил санитару и его котелок, очень поспешно. Потом я взял и его порцию хлеба, так же как и его суп вечером, и в следующие дни тоже[...]» (Кертес 2004: №18).

В романе Гроссмана живет и обладает «дьявольской силой» и судьборешающее слово. Мощь этого слова исходит от «Хозяина» (Гроссман 1990: 272), Сталина. Он существует в романе «руководителем, для которого жизнь человека – совершенное ничто» (Ланин 1997: 15). Характеризуя власть Сталина, в романе Гроссман пишет, что «одно его слово, – могло уничтожить тысячи, десятки тысяч людей. Маршал, нарком, член Центрального Комитета партии, [...] – люди, которые вчера командовали армиями, республиками, огромными заводами, сегодня по одному гневному слову Сталина могли обратиться в ничто, в лагерную пыль, [...]» (Гроссман 1990: 408-409). Эти процессы, как и вышеперечисленные судьборешающие события в течении истории XX века, меняли и захватывали судьбы очень многих и разных людей. Интерпретацию судьбы и жизни человека через образы героев романа В.Гроссмана «Жизнь и судьба» и И.Кертеса «Обездоленность» можно вести до бесконечности. Уроки судеб героев романов нельзя считать законченными. Эти уроки, возможно, приведут читателя к осознанию того, что «Обездоленность», как и «Жизнь и судьба», – это могучие произведения «не только о концлагере и не только о евреях» (Харитонов, 2005), не только о политике и о войне. Это прежде всего книги о душевном мире человека в условиях тоталитаризма, они о юности, о молодости, проведенных в бомбоубежищах и концентрационных лагерях.

Трагические судьбы и жизни, показанные через образы героев Гроссмана и Кертеса, грозят и человечеству XXI века, на что обращают внимание читателей и сами писатели. Проблема массовых национальных репрессий и конфликтов все сильнее и сильнее дает о себе знать и сегодня. Жертвы катастрофы XX века должны заставить читателя осмыслить все те явления, которые могут привести к сверхнасилию одних над другими, даже в современном «своеобразно цивилизованном» мире. Нельзя уничтожать людей, что сегодня все чаще и чаще повторяется, все в новых и новых формах, ведь «мир един, и все, что делают в нем люди, на них же и падает возмездием и воздаянием» (Аннинский 1988: 262).

Литература

- Аннинский 1988: Аннинский Л., Мироздание В. Гроссмана. // Дружба Народов, №10, 253-263.
- Гроссман 1990: Гроссман В., Жизнь и судьба. Роман. Таллинн. «Ээсти раамат».
- Дедков 1988: Дедков И., Жизнь против судьбы. // Новый мир, № 11, 229-241.
- Кертес 2003 – 2004: Кертес И., Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // Иерусалимский журнал, №14-15, In: www.antho.net/jr/1415.2003/11.php. // №18, In: www.antho.net/jr/18.2004/01.php.
- Коваленко 1991: Коваленко А. Г., Диалектика конфликта в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба». // Филологические науки. № 5, 25-32.
- Лазарев 1991: Лазарев Л., Долги наши... // Знамя. Книга 6, 228-232.
- Ланин 1997: Ланин Б., Идеи открытого общества в творчестве Василия Гроссмана // Издательство Магистр, Москва, 5-31.
- Лейдерман, Липовецкий 2001: Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Роман В.Гроссмана «Жизнь и судьба (1961). Литература «Оттепели» (1953-1968) // Современная русская литература. Книга 1. Москва, 141-153.
- Маркиш 1997: Маркиш Ш. Василий Гроссман. Бабель и другие. Москва, 1997, 28-105.
- Харитонов 2005: Харитонов М. Счастье концлагеря. In: www.lechaim.ru/ARHIV/159/haritonov.htm
- Надь 2003: Надь И. От вынужденной участи к выбору судьбы. О творчестве Имре Кертеса. Перевод с венгерского Сергея Вольского // Звезда, №7. In: <http://magazinez.russ.ru/zvezda/2003/7/nad.html>
- Солженицын 2003: Солженицын А. Диалогия Василия Гроссмана // Новый мир, № 8, 155-169.
- Хетени 2004: Хетени Ж. Порядок хаоса. Имре Кертес и его роман Обездоленность // Иерусалимский журнал, №18. In: www.antho.net/jr/18.2004/02.php
- Цыткин 2002: Цыткин Л. Имре Кертес: “Тексты, которые помогают умирать” Нобелевская премия по литературе – 2002 // Народ мой, №20,– Некуда №10. In: www.jew.spb.ru/ami/A289/A289-092.html
- Garrard 1991: Garrard J., Stepsons in the Motherland: The Architectonics of Vasilii Grossman’s Zhizn’ i sud’ba. // Slavic Review, 1991. v. 50. № 2, 336-344.
- Rosette 1985: Rosette C. L., Vassili Grossman’s Zhizn’ i sud’ba: The “Life and Fate” of the first Soviet Dissident Novel. // World Literature Today, 1985. v. 59. № 1, 46-48.

Rezümé

A tanulmányban a sors koncepció kerül összehasonlításra Vaszilij Grosszmann orosz író *Élet és sors*, illetve Kertész Imre Nobel-díjas magyar író *Sorstalanság* című regényében. A regényekben a szerzők sajátos emberi sorsmodelleket konstruáltak, pontosan és logikusan rámutattak azokra az összetevő elemekre és részletekre a modellek szerkezetében, melyek aktív fizikai és erkölcsi erejükkel fogva megváltoztatták a XX. századi ember egész életét, elősegítették személyiségének teljes leépülését, meghatározták sorsát. A sorsmodell hatalmas erejű összetevője, barbárságot generáló és működésbe hozó mechanizmusa Sztálin és Hitler eszméi voltak, amelyek az embereknek az állami hatalomnak való teljes mértékű alárendeltségében testesültek meg. Ezeknek az eszméknek köszönhetően Grosszmann és Kertész hőseinek sorsában nincs helye az egyéniség saját, szuverén akaratának, ezekben a sorsokban a döntő szerepet az állam mindent elnyomó ereje játssza. Sztálin és Hitler politikai terrorja kiirtotta az élet olyan elválaszthatatlan és fontos strukturális elemeit, mint a szabadság, az egyéniség, az emberi jellem megismételhetetlensége. A hősök sorsa a regényekben „véletlenszerű”, „rossz”, „elkerülhetetlen”, „nemes”, „szigorú”. Sorsuk a történelemtől, az időtől függ, és azok hatása alatt áll.

A kötet megjelenését az egri Eszterházy Károly Főiskola
Kommunikáció Tanszéke is támogatta.

Vydanie tejto publikácie finančne podporovala aj Katedra
komunikácie Vysokej školy Károlyya Eszterházyho v Egri.

TARTALOMJEGYZÉK - OBSAH

10 rokov Katedry hungaristiky – A Hungarisztika Tanszék 10 éve

Nyelvtudomány – Jazykoveda

Balázs Géza: Minden mindennel összefügg? Hálózat kutatás a nyelvben	13
H. Varga Gyula: Helyzetkép a magyar nyelvtudományról (1990–2006)	21
Czeglédi Csaba: A mondatok implicit kontrasztív interpropozicionális jelentéséről	29
Zimányi Árpád: Újabb morfológiai jelenségek a magyar és az angol nyelvben	41
Domonkosi Ágnes: A litotész alakzatának működése és lehetséges szerepei	49
Zsilák Mária: Az EU szellemében a közoktatás területén végrehajtott egységesítési törekvések hatása a nyelvre	57
Bodnár Ildikó: A magyar igék rendszere, különös tekintettel a tárgyatlan igékre	65
Vargha Fruzsina Sára: Nyelvjárási és helynévtörténeti anyagok számítógépes feldolgozása ¹	75
Csikány Andrea: Palóc adatközlők nyelvhasználatának változásai....	83

Irodalomtudomány – Literárna veda

Szelestei N. László: Irodalomtörténet-írásunk és a régi magyarországi irodalom kanonizálása	91
Haader Lea: Ómagyar filológia – következtetésekkel	97
Bogár Judit: „Mesterkedő költői játék”	105
Alabán Ferenc: Értelmezés – Valóság – Kisebbségi irodalom	113
Németh Zoltán: Az identitásköltészet lehetőségei Térey János lírájában	117

Dósa Annamária: A vámpírhagyomány elemei Baka István művészetében (A kisfiú és a vámpírok, mint egy kidolgozott motívumrendszer része)	121
Ladányi Sándorné: Egy sajátos ukrán irodalmi jelenségről (A szicsi lövészek irodalma)	129
Bárány Béla: Концепция судьбы в романах В.Гроссмана «Жизнь и судьба» и И.Кертеса «Обездоленность»	137

Fordítás és recepció – Preklad a recepcia

Simigné Fenyő Sarolta: A szó szerinti fordítástól a beavatkozó jellegű fordításig	149
Lőrincz Julianna: A nyelvészeti fordításelmélet és az irodalmi fordítás elveinek azonosságai és különbségei	159
Spiczéné Bukovszki Edit: A kortárs magyar irodalom jelenléte Nagy Britanniában	169
Ágnes de Bie – Kerékjártó: Kortárs és klasszikus magyar irodalom Hollandiában	175
Demján Adalbert: A szóhasználatot befolyásoló tényezők a magyar bibliafordításban	183

Idegen nyelv – anyanyelv — Cudzi jazyk – materinský jazyk

Dóla Mónika: Analitikus és holisztikus folyamatok a magyar mint idegen nyelv tanulásában	193
Gréczi-Zsoldos Enikő: A szlovák-magyar együttélés történeti szociolingvisztikai vonatkozásai	209
Mária Alabánová: Vplyv kontrastívnych jazykových javov medzi maďarským a slovenským jazykom na rozvíjanie a získanie komunikatívnej kompetencie študentov	215
Órsi Tibor: A globalizáció hatása a francia nyelvre	221
Dömötör Adrienne: Ami a jéghegy csúcsa alatt van – a nyelvtörténet helye a magyar mint idegen nyelv tanításában	229

Kommunikáció és kultúra – Kommunikáció a kultúra

Aczél Petra: A tervezett kommunikáció elméleti alapvetései és folyamatai	237
Kovács Mária – Kecskés Judit: Metainformációs elemek vizsgálata történeti és mai szakszövegekben	247
Simig Ákos: Metainformációs struktúrák hatása a befogadói értelmezésre	253
Kovács Éva: Gondolatok a metaforák szerepéről az üzleti és gazdasági szakfolyóiratokban	261
Tomesz Tímea: A tudósítások stílusáról (Metaforikusság a tudósításokban)	273
Dobos Csilla: A nézőpont szerepe a tárgyalótermi narratív megnyilatkozásokban	283
Simig László: Szervezet és kultúra	291
Urbán Anna: Hofstede kulturális dimenziójának megnyilvánulása a magyar nyelvben	297
Kegyesné Szekeres Erika: Gender-referencia és nyelvi kultúra	305
Peter Káša: A nemzeti tolerancia és multikulturalitás jelei a reformkori eperjesi Evangélikus Kollégiumban	315
Ardamica Zorán: Irodalomtanítás? a harmadik évezredben?	323
Koljadzsin Natália: Dóhovies Bazil tudományos hagyatékának kutatása	333
Horváthné Berlák Irén: A nyelvi közlés, interkulturális nyelvészet	339
Barta Anna: Moszkvai Patriarchátus Ortodox Kórus Magyarország színpadain	343
<i>A tanulmányok szerzői – Autori štúdií</i>	349
<i>Tartalomjegyzék – Obsah</i>	351

**Za odbornú a jazykovú stránku príspevkov zodpovedajú
autori.
A tanulmányok szakmai és nyelvi színvonaláért a szerzők
felelnek.**

Názov: Kontext – Filológia – Kultúra II.
Kontextus – Filológia – Kultúra II.

Vedecký a výkonný redaktor: Prof. PhDr. František Alabán, CSc.

Technickí redaktori: Mgr. Adriana Bolgárová
Štefan Šimko

Rozsah: 355

Náklad: 100

Formát: A5

Tlač: Bratia Sabovei, s. r. o., Zvolen

ISBN 978-80-8083-581-1